

Боря Кулешин

Военный корабль Черноморского флота, лидер эскадренных миноносцев «Ташкент», принимал участие в боевых операциях при обороне города-героя Севастополя в Великую Отечественную войну.

На этом корабле нёс службу двенадцатилетний юнга Боря Кулешин.

О нем, о его боевых делах рассказывает командир корабля, капитан 3 ранга, ныне контрадмирал в отставке, Ерошенко Василий Николаевич.

...

Ночью 22 июня 1941 года, вероломно напав на нашу Родину, немецкие захватчики нанесли авиационный удар по Севастополю, а в ноябре месяце гитлеровцы начали осаду города.

Город героически отражал атаки фашистских войск.

Лидер «Ташкент» с другими кораблями Черноморского флота доставлял городу продовольствие, боеприпасы, живую силу и боевую технику.

Уже не один полный опасный рейс совершил лидер в Севастополь.

В конце апреля 1942 года мы готовились к новому рейсу.

Лидер «Ташкент» стоял у причала порта Поти, ожидая погрузки боеприпасов для осажденного врагом Севастополя.

День был дождливый, туманный.

Порывами налетел сильный ветер, раздувая матросские робы.

Моряки посматривали на унылый мокрый причал, куда должны были вскоре подать вагоны с боеприпасами.

Дежурный по кораблю, командир БЧ-IV (четвертой боевой части) Николай Яковлевич Балмасов заметил приближающегося к трапу корабля мальчугана лет двенадцати-тринадцати лет. Он был одет в длинную не по росту телогрейку, на голове большая шапка-ушанка.

И телогрейка, и ушанка набухли под дождём, и сам мальчуган был похож на промокшего, нахохлившегося воробья.

Он подошел к вахтенному у трапа.

– Дяденька моряк, а дяденька моряк!..

– Ты откуда такой? – спросил вахтенный.

– Дяденька моряк, – не отвечая на вопрос, продолжал мальчуган. – Пустите меня на корабль. Мне командира повидать надо. У меня дело к нему.

Дежурный подошёл к трапу.

– Тебе что нужно, малыш? – заговорил он, разглядывая мальчугана.

Увидев офицера, мальчуган стал проситься, чтобы его приняли на корабль.

– Нельзя к нам. Время знаешь какое?

– А куда мне теперь?

– Как куда? – удивился Балмасов. – Домой топай. К мамке. Ищет небось тебя?

– Нет у меня теперь мамки... Её немцы в Германию увезли...

– Как увезли? – переспросил дежурный и, спустившись с трапа на причал, подошёл к мальчугану.

Сдерживая слёзы, мальчуган стал рассказывать. И Балмасов узнал, что мальчишка зовут Борей, а фамилия его Кулешин и родом он из Донбасса. Как только немцы заняли город, так сразу же стали сгонять всех жителей на городскую площадь, гру-

зять в машины и увозить на вокзал. Кто успел спрятаться, того не увезли, а мама Бори не успела, ему же удалось убежать...

– Отец-то где?

– Папы нет! Зимой пришла похоронка – бумажка: «Погиб смертью храбрых...» Дяденька командир! Возьмите меня на корабль. Я всё буду делать! Возьмите!

Дежурный растерялся от такой просьбы. Сам он ничего решать не мог, да и как решать, когда корабль находится на военном положении, совершает рейсы в Севастополь, постоянно попадает под бомбёжку вражеской авиации и артиллерии, сам отражает атаки...

Мальчугана было жалко, но жалость сейчас не ко времени.

Около трапа собрались матросы. Они задавали мальчугану вопросы, переговаривались друг с другом и смотрели на дежурного по кораблю – ждали, что же он предпримет в такой момент.

Кто-то бросил:

– Да он голодный, братцы!..

И тут же, словно найдя выход, Балмасов скомандовал:

– Накормить хлопца!

Моряки подхватили мальчика и, передавая его из рук в руки, понесли в кубрик.

Давно не видевшие дома, сдержанные на ласки суровой военной службой, соскучившиеся по заботе о ком-нибудь из родных и близких, не имевшие возможностей поделить теплом своих матросских сердец, краснофлотцы бросились оказывать мальчику внимание.

Мальчуган только успевал работать ложкой, а моряки приговаривали:

– Ешь, Бориска!

– Борщ флотский!

– Не стесняйся, браток! Наш борщ лучший на всём Чёрном море!

И Борис не стеснялся.

Он уже освоился среди шумящих и суетящихся около него матросов и лишь изредка бросал настороженный взгляд, словно спрашивал: «А что же будет дальше?».

О том, что на корабле такой необычный пассажир, мне, как командиру корабля, стало известно часом позже, когда Борис Кулешин, уже пообедавший с краснофлотцами, оказался в моей каюте. Его привёл Николай Яковлевич Балмасов.

– Товарищ капитан 3 ранга! Моряки-комсомольцы БЧ-IV и я лично просим разрешения взять Бориса Кулешина воспитанником в своё подразделение. Даем слово, что Борис не будет обузой на корабле...

Что было делать?

Я смотрел на Бориса и вспоминал воспитанников-юнг. Их я встречал и на других кораблях Черноморского флота. Но тогда не было войны. Как быть сейчас, когда корабль все время подвергается опасности?

Передо мной стоял худенький, небольшого роста паренёк, потерявший отца и мать. Трудно ему пришлось: пробраться с занятого гитлеровскими войсками Донбасса к нам, через линию фронта, не так-то просто. Нужно быть смелым, находчивым.

На меня внимательно смотрели умные серые глаза... Не приходилось сомневаться, что такого полюбит весь экипаж корабля.

И я уступил просьбам командира и комсомольцев четвёртой боевой части.

– Николай Яковлевич! Вызовите ко мне Голуба!

Балмасов понял меня и довольный моим решением пошёл за Голубом.

Наш интендант, хозяйственник, явился незамедлительно и не один, а с матросом, которого на корабле все звали Вася-портной.

Вася начал обмерять паренька, а тот, довольный, что им занимаются, никак не мог понять, для чего вся эта процедура.

– Стой смирно, Боря, не вертись! – сказал я ему. – Надо же тебе пошить форму. А то что это за краснофлотец без формы. Ну, что глядишь так? Берём тебя на корабль. Берём! Но смотри у меня, не баловаться. Если замечу, что нарушаешь корабельную дисциплину, сразу же спишу на берег.

Так Боря Кулешин был принят в нашу флотскую семью, стал воспитанником экипажа боевого корабля.

Определили мы Бориса учиться на сигнальщика, и стал его обучать сигнальному делу комсомольский секретарь Михаил Смородин.

Но у сигнальщиков Боря пробыл недолго. Осмотревшись, он решил, что у зенитчиков – их площадка с орудиями видна была с сигнального мостика – гораздо интереснее. И когда на стоянке в Севастополе была объявлена боевая тревога, Борис прибежал к зенитчикам.

Он быстро и ловко подавал обоймы с патронами, тут же на боевом посту оказывал помощь раненым.

Треск зенитных автоматов над самой головой нисколько его не пугал.

Возвращать его к сигнальщикам в приказном порядке не имело смысла, и мне пришлось утвердить «самовольный» переход Бори во вторую боевую часть к артиллеристам-зенитчикам.

Командир зенитчиков лейтенант Роман Гиммельмайг закрепил корабельного воспитанника за расчётом старшины 2-й статьи Гриши Нутника, комсорга батареи, а главным воспитателем Кулешина стал младший политрук Беркаль.

В начале мая немцы начали готовить новый штурм Севастополя.

По сведениям флотской разведки вражеское командование собиралось бросить на Севастополь большое количество самолётов-торпедоносцев и бомбардировщиков с экипажами, которые были специально обучены вести воздушные бои против военных кораблей.

Вражеские подводные лодки караулили наши корабли, идущие на помощь осаждённому городу.

27 мая 1942 года лидер «Ташкент» вышел из Новороссийска, чтобы снова прорваться к Севастополю.

Не успели мы пройти и половины пути, как послышался доклад сигнальщиков:

– Самолёты противника!

Зенитчики приняли боевую готовность. Занял своё место у снарядных кранцев и Боря Кулешин.

Раздался голос сигнальщика:

– Торпедоносец слева!

Затрещали автоматы зенитчиков, ударил и главный калибр.

Самолёт-торпедоносец совсем близко. Вот он уже ждёт – сейчас сбросит торпеду.

Зенитчики стреляют без остановки.

Гутник подбадривающее командует:

– Боря, давай! Пошевеливайся! А ну, ребята, всыпем перцу фашисту!..

И Боря подносит обойму за обоймой. Пот льёт с него – весь взмок, но, ни на секунду не задерживаясь, он носится стрелой к снарядам и обратно. И зенитная установка не умолкает.

Торпедоносец пытается маневрировать, старается уйти из зоны огня, чтобы сделать новый заход над кораблем.

Зенитчики метким огнём не подпускают его к кораблю и заставляют сбросить торпеды вне цели.

Снова атака. Другой самолёт уже висит над лидером. Летят бомбы...

– Мимо! – кричит разгоряченный юнга.

Командир расчёта Гриша Гутник озорно подмигивает: молодец мол. И Борис, довольный, бежит за новой обоймой...

Артиллеристы отбивают атаку за атакой, и корабль, обойдя минные поля, прорывается к Севастополю.

На стоянке не прекращаются налёты бомбардировщиков.

Сигнальщики подсчитали: пока мы выгружались в Севастополе, только в бухту упало сто сорок бомб.

Обхожу площадки зенитчиков. Гутник докладывает о работе расчёта. Здесь же и Борис Кулешин. – Молодец, воспитанник! Не подкачал!

Забыв про усталость, Борис вытягивается во весь свой мальчишеский рост и бойко отвечает:

– Служу Советскому Союзу!

После очередного прорыва мы возвращались в Новороссийск.

Утром вошли в бухту – надо было загрузиться топливом: вечером – обратный рейс.

Сильный ветер прижимал корабль к причалу.

Было слышно, как гнутся и скрипят деревянные сваи...

Долго не ухожу с командного мостика. Вдруг замечаю бегущего по причалу нашего воспитанника Борю. Ветер чуть не валит его с ног. Маленькая фигурка как-то неестественно располнела. Интересно, куда это он?

Посылаю вахтенного догнать его и привести ко мне.

Привел вахтенный бегуна, смотрю – плачет, а из-за пазухи у него торчат две буханки хлеба...

– Товарищ капитан 3 ранга, – говорит он мне, – там, в подвале разрушенного дома, дети голодные сидят. Я им обещал, как вернусь с моря, хлеба принести. Сироты они. Мне кок дал – выпросил я у него... Разрешите отнести...

Вызвал политрука Беркаля, и они вдвоём пошли к разрушенному дому, что был недалеко от причала.

В подвале дома сидели ребяташки, новые приятели Бориса: голодные, одетые в какое-то тряпье.

Приходу Бориса ребяташки очень обрадовались и тут же набросились на буханки.

Как только ребята поели, Беркаль и Борис помогли им выбраться из подвала, отдали оставшийся хлеб и отвели их на сборный пункт для беженцев, чтобы переправить в детский дом.

Борис был доволен, что он сдержал своё слово.

Мы убедились в его правдивости.

24 июня снова получен приказ пробраться к Севастополю. На этот раз «Ташкент» должен был доставить 142-ю бригаду сибиряков.

Благополучно отбив атаки вражеских самолётов, подходим в темноте к Севастополю и выгружаемся. 142-я бригада доставлена без задержки и без потерь.

А с берега уже везут, несут раненых. Их переправили прямо с боевых позиций.

Вместе с ранеными на корабль берём эвакуированных севастопольцев – женщин и детей.

Боря уже крутится около них. Он чувствует себя хозяином и заботливо ухаживает за малышами и за тяжелоранеными.

Отходим от причала и выходим в море.

Рано утром корабль атакуют мессершмитты и хенкели. Зенитчики отбивают атаку за атакой.

Борис на своей площадке в составе расчёта подносит снаряды. Стихает бой, и юнга бросается в кубрики к раненым, детям.

Перепуганные ребятишки с радостью встречают его. Борис разносит им чай, успокаивает плачущих, помогает перевязывать раненых.

Но вот опять голос сигнального:

– Самолёты противника!

И воспитанник на площадке у зенитчиков снова участвует в отражении атак вражеских истребителей и торпедоносцев.

29 июня лидер «Ташкент» посетил командующий Северокавказским фронтом Маршал Советского Союза Будённый. Он приехал поздравить «ташкентцев» с последним героическим прорывом в Севастополь и благополучным возвращением на стоянку в Новороссийск.

Семён Михайлович Будённый ловко поднялся на плоский купол нашей зенитной башни и начал свой разговор:

– Рад, что довелось мне самому встретиться с вами, увидеть вас здоровыми и невредимыми. Такими бойцами, как вы, может гордиться вся наша армия! Считаю, что экипаж «Ташкента» заслужил правительственные награды, а корабль достоин гвардейского звания, о чем буду ходатайствовать...

Будённый говорил с краснофлотцами, внимательно выслушивал их рассказы о боевых операциях, интересовался положением осажденного Севастополя, шутил...

После осмотра корабля Семён Михайлович, когда я провожал его, спросил меня:

– А что это у вас за маленький такой морячок?

– Корабельный воспитанник Борис Кулешин, приписан к зенитчикам.

– А он тоже ходит с вами в походы?

И я рассказал командующему о боевых делах Бори.

Прощаясь, Семён Михайлович сказал мне:

Не забудьте включить и вашего воспитанника в число награждённых. Раз заслужил, то пусть и получает.

Боря Кулешин не смог получить награду на палубе лидера «Ташкент».

2 июля 1942 года немецкие бомбардировщики совершили нападение на корабль, стоявший на причале в Новороссийске.

Не сумев потопить лидер во время походов в Севастополь и при возвращении корабля в Новороссийск, немецкое командование дало задание своим лётчикам потопить «Ташкент» в порту, на стоянке.

Во время налёта вражеской авиации на корабль Борис Кулешин был ранен и вместе с другими членами экипажа отправлен в тыловой госпиталь.

Осенью 1942 года я был назначен командиром гвардейского крейсера «Красный Кавказ». Многие из числа экипажа лидера «Ташкент» также вместе со мною получили назначение на этот прославленный крейсер.

Борису Кулешину после выздоровления предложили поехать учиться. Но Боря считал себя уже бывалым моряком и решил возвратиться на корабль. Боясь, что его отправят в тыл, он, как только получил старое армейское обмундирование, сбежал без всяких документов из госпиталя и стал пробираться в Батуми, где тогда базировались корабли.

В конце 1942 года он с трудом добрался до Батуми и явился ко мне на «Красный Кавказ».

Что было с ним делать? Пришлось взять его воспитанником на крейсер, и не было предела его радости, когда он узнал, что награждён орденом Красной Звезды. Орден я ему вручил на крейсере, а гвардейцы с радостью приняли Бориса в свою большую дружную флотскую семью. Он очень быстро изучил боевую технику и стал полноправным членом боевого экипажа гвардейского корабля.

Борис по-прежнему был зачислен в расчёт зенитной установки и выполнял свои обязанности с присущей ему старательностью.

Война подходила к концу. Шёл уже 1944 год.

Надо было подумать о дальнейшей судьбе Бори.

Учитывая его большую любовь к флоту, я вызвал его к себе и предложил ему ехать учиться в Нахимовское училище. Сначала Борис и слушать не хотел. Дело доходило до слёз, орденосеиц плакал. Но, в конце концов, мы с комиссаром корабля его уговорили.

Осенью 1944 года экипаж крейсера провожал Бориса Кулешина в Нахимовское училище. Окончив его, наш воспитанник поступил в Высшее военно-морское училище.

Публикуется по: Дети-герои / сост. И. К. Гончаренко, Н. Б. Махлин. – Киев, 1985. – 608 с. – Режим доступа: <http://stranakids.ru/deti-geroi-rasskazy-o-geroiakh-vov-1/27/>. (дата обращения: 01.09.2025).